

◆ Сергей Кононов во время облета взорванных мостов в зоне боевых действий на территории Анголы. «Работа была интереснейшая, ведь получилось объездить множество разных мест», — вспоминает Сергей.

◆ Кубинское судно «Гавана», взорванное боевыми пловцами ЮАР 4 июля 1986 года в порту Намибе, где работала группа мостостроителей под руководством Сергея Кононова.

Череповчанин на войне в Анголе

Память. Правду о секретной военной миссии СССР в Африке рассказал «анголец» Сергей Кононов

В 1975 году после завершения 14-летней партизанской войны за независимость Анголы от Португалии колонисты спешно покинули страну. Но три основных группировки борцов за независимость — МПЛА, ФНЛА и УНИТА — не смогли поделить власть в стране. Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), лидер которого Агоштинью Нету придерживался социалистических взглядов, контролировало запад страны и столицу Луанду. УНИТА и ФНЛА действовали на юге и севере соответственно. Оппозицию поддержали ЮАР и Заир.

На помощь МПЛА начали перебрасываться кубинские части численностью до 40 тысяч человек, по некоторым данным — без санкции СССР. Первая советская группа, около 40 человек, прибыла в Луанду 16 ноября. В нее входили специалисты по боевой технике, свисты, переводчики.

В Луанде были созданы учебные центры для подготовки бойцов МПЛА. В Анголу поставили советские танки, бронемашин, боевые и транспортные самолеты и вертолеты, артиллерийские системы, стрелковое оружие и боеприпасы. Прибыли боевые корабли ВМФ СССР. Росла численность советских специалистов.

К концу марта 1976 года отряды МПЛА и кубинские войска при поддержке советских военных советников оторосили войска ЮАР и УНИТА на исходные рубежи. В апреле южноафриканский контингент был выведен из страны.

Но гражданская война продолжалась, группировки УНИТА активно действовали при поддержке ЮАР, авиация этой страны продолжала совершать рейды в Анголу.

Советская военная миссия находилась в Анголе до 1991 года, а затем была свернута по политическим причинам. В том же году страну покинула и кубинская армия. Гражданская война в Анголе официально продолжалась до 2002 года.

Всего с 1975 по 1991 год в Анголе побывали 12 тысяч советских военных советников. Считается, что погибло более 80 военных, из них 45 офицеров. Достоверных данных о погибших гражданских специалистах нет.

◆ Сергей Кононов на презентации книги «Мы свой долг выполнили» автора Сергея Коломина в Историко-краеведческом музее Череповца. Фото из архива автора.

Авианалеты и бомбежки. Приступы малярии, при которых хочется застрелиться, и жара. Постоянная угроза подрываться на mine или быть застреленным из винтовки снайпера. О реалиях некогда засекреченной войны в Анголе «Речь» узнала из первых уст.

16 ноября в России в очередной раз отметили День ветерана Анголы. Именно 16 ноября 1975 года в далекую африканскую страну прибыли первые советские военные специалисты, чьей задачей было помочь дружественному правительству Анголы в отражении внутренней и внешней агрессии.

Правда об одной из самых засекреченных военных и гражданских миссий СССР за рубежом собирается по крупицам и по сей день. Пролить свет на подробности того конфликта и нашего участия в нем призвана новая книга «Мы свой долг выполнили» московского автора полковника Сергея Коломина. Примечательно, что издана она при содействии «Роснефти», глава которой Игорь Сечин сам прошел Анголу, работая военным переводчиком.

Эту «ангольскую энциклопедию», как ее называют сами участники событий тех лет, презентовали и в Череповце. Оказалось, среди нас живет немало «ангольцев». В Вологодской области ими были офицеры-разведчики (выпускники череповецкого училища связи), моряки торгового флота, морские пехотинцы, врачи, строители, мостостроители. И конечно, летчики 392-го отдельного дальнего разведывательного авиаполка ВВС Северного флота (гарнизон Федотово).

Командир эскадрильи этого авиаполка Евгений Калинин и глава представительства общественной организации «Союз ветеранов Анголы» в Вологодской области Сергей Кононов и представили новую книгу в нашем городе. А Сергей Кононов вдобавок согласился поделиться впечатлениями о своей работе в Анголе с читателями «Речи».

◆ Сергей, как вы оказались в Анголе?

— В Анголу я поехал как инженер-мостостроитель по линии Минтрансстрой из

череповецкого Мостоотряда № 62, в котором начал работать в 1976 году. До этого меня направили на годичные курсы португальского языка при Ленинградском госуниверситете. Это очень помогло мне в работе, так как по-португальски я стал говорить свободно и даже имел подсоветного (подсоветный — местный представитель, к которому был прикреплен советник, — авт.), а представлял в Анголе и советскую, и национальную сторону — мостостроительное предприятие Анголы.

Занимались мы восстановлением взорванных мостов. Работа была интереснейшая, ведь получилось объездить множество разных мест. Охраны, правда, никакой — только на стационарных объектах.

Было замечено, что мостостроители при обстрелах с самолетов стараются не трогать: юаровцы видят, чем мы заняты, и улетают. Оказалось, все просто: их войска сами использовали эти мосты. Операцию осуществляют, проходят по мосту и только потом его взрывают. Выходит, чем-то мы помогли противнику — получили и так.

В целом нам самим приходилось заботиться о собственной безопасности. И на переездах (а это 150 — 200 километров), и при проведении инженерных изысканий, и при строительстве. Были случаи, когда мы все были с оружием: автоматы, гранаты. А у меня, как у старшего, были и пистолеты.

Особую опасность представляли мины. У меня в вузе была хорошая военная кафедра, я неплохо усвоил матчасть, и когда на 14-й день моего пребывания в Анголе я вывел с минного поля людей, мне было страшнее, чем им: я-то знал, чем все может закончиться, а они не знали.

Если впереди идет местная машина, едешь за ней. Рассуждали так: ребята, извините, но вообще-то это ваша война. Когда едут две наши машины, честно делили дорогу пополам: полпути первым идет один, полпути — другой.

Выработалось множество новых привычек. Например, я не могу сидеть спиной к двери, курить у темного окна или стоять у освещенного окна. Только сейчас это перестает быть рефлексом.

◆ Наверняка добавлялись и бытовые сложности.

— Чего там только не было: солнце, тяжелый климат, авитаминоз, африканские болезни, малярия, муха, песчаная блоха... Вода только кипяченая — иначе схватишь дизентерию. От простой мозоли в таком климате элементарно получить гангрену. Очень тяжелая болезнь — малярия. Лично я болел дважды, а другие — и по 20 раз. Честно: когда бывают приступы малярии, хочется застрелиться. Поэтому я, когда болел, оружие и гранаты на всякий случай прятал.

◆ А как вам удалось «познакомиться» со знаменитыми боевыми пловцами ЮАР?

— Небольшая группа советских мостостроителей, которой я руководил, почти год автономно работала в порту Намибе на юге Анголы. Через порт шли основные поставки военных грузов из Советского Союза и Кубы для ангольских войск на южном направлении. А там, кроме оппозиции, воевали и регулярные войска ЮАР.

У них высокое развитие имели диверсионные отряды морских боевых пловцов. Именно они взрывали военные суда в бухтах Анголы. Боевые пловцы 4-го специального разведывательного отряда ВМФ ЮАР под командованием Дуу Штейна высаживались с подводных лодок у побережья и на скоростных резиновых лодках десантировались на берег. Или на подводных носителях они доплывали до бухты, а затем незаметно, снова под водой, подплывали к судам и минировали их. Так 4 июля 1986 года в порту Намибе были взорваны кубинское судно «Гавана» и советский сухогруз «Капитан Вислобоков» — единственное советское судно, подорванное в годы холодной войны.

Боевые пловцы, которые ранеными могли проплыть двадцать километров под водой по реке, кишасей крокодилами, — такого в истории я больше не знаю.

В Намибе советских специалистов по противодиверсионной работе не было, а жизнь у нас одна. И после инструктажа у

кубинских специалистов мне самому приходилось обеспечивать безопасность своих коллег при разгрузке судов. Расчет был такой: одна граната за борт каждые 12 минут. Это примерное время подхода подводного диверсанта к судну от подводного носителя. Гранаты мы брали у кубинцев. Их я за год накидал вдоволь...

◆ Удивительно, но при этом вы говорите, что сейчас поддерживаете контакты с бывшими противниками!

— Это всех поражает — и нас тоже. Просто мы сейчас восстанавливаем историческую справедливость. Сейчас я переписываюсь и с ангольцами, и с юаровскими военными. Мы договорились, что не были врагами. Мы помогли Анголе создать армию и строить страну, а юаровцы выполняли приказ своего правительства — воевали на стороне оппозиции.

Наша общая задача сегодня — создать правдивую историческую картину. Ведем переписку, разговариваем по «Скайпу», обмениваемся воспоминаниями и книгами. Мы, кстати, добросовестно заблуждались, что знаменитый 32-й батальон «ваффало» состоял из наемников. Оказывается, нет, это была настоящая регулярная армия.

Доброе слово хочу сказать и о союзниках — кубинцах. Лучшее отношение к советским людям я в жизни никогда не видел. Они за любого советского были должны и готовы отдать жизнь, и мне очень обидно, что Кубу мы бросили. А ведь она на самом деле была нашими лучшими друзьями.

◆ Мы часто вспоминаем Афганистан, а сейчас, когда Россия вступила в сирийскую войну, проблема нашего участия в иностранных конфликтах вновь стала актуальной. Можно ли выделить некие сходства и различия этих конфликтов?

— Во-первых, в афганской войне участвовали наши регулярные военные части. Как и в Сирии сейчас, по крайней мере касательно ВМФ и ПВО. В Анголе же регулярных сил Советской армии не было, а

советники и специалисты участвовали в боях только в составе подразделений ангольской армии. Флот в боевых действиях на берегу не участвовал: только охрана и сопровождение, что, впрочем, тоже считается выполнением боевой задачи. Летчики принимали участие в том числе и в воздушных боях.

В отличие от Афганистана (угроза нашим мирным границам) и Сирии (угроза распространения радикального ислама), в Анголе, как, например, во Вьетнаме и Лаосе, мы прежде всего защищали наши стратегические интересы — и военные, и экономические.

Что касается военных действий: те, кто прошел и Анголу, и Афганистан, говорят, что в Анголе было страшнее. В Афганистане использовалось более простое оружие, а здесь тебе противостоит профессиональная армия ЮАР, здесь дальнбойная артиллерия, авиация, ракетные обстрелы, минная война. Когда 86 раз за ночь юаровские самолеты бомбят в пяти километрах от тебя — это очень приятная вещь.

◆ Скажите, а вы не зря были в Анголе?

— В любом случае не зря. Мы помогли создать армию, которая прекратила гражданскую войну. И не зря мы говорим с нашими бывшими «противниками» о том, что каждый из нас выполнял свой долг, хоть и на чужой территории. Мы сделали доброе дело, мы дали Анголе возможность продержаться.

◆ А как сейчас там обстоит дело? Как ангольцы относятся к нам спустя годы?

— Ангола процветает, хотя по ней, как и по России, больно ударил нефтяной кризис: началось падение производства и весь негатив, с этим связанный. Когда мы в Москве встречаемся с жителями Анголы, все они вспоминают наших людей и нашу помощь с благодарностью. К нам, ветеранам той войны, отношение очень доброе. Как и наше — к ангольским коллегам.

Андрей Савин
Пишите на e-mail
aasavin@35media.ru